

- 21 Франко І. Я. Із секретів поетичної творчості / Франко І. – К. : Наукова думка, 1981. – Т. 31. – С. 45–119. (Зібрання творів: у 50 т., 1976–1986).
- 22 Франко І. Я. Старе й нове в сучасній українській літературі / Франко І. – К.: Наукова думка, 1982. – Т. 35. – С.91–111. (Зібрання творів: у 50 т., 1976–1986).
- 23 Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона // [http://www. brocgaus.ru /](http://www.brockhaus.ru/) [Интернет-ресурс].

SUMMARY

The author in the article differentiates between syncretism of artistic description and synthesis as an essential characteristics of the text as well as accentuates on the wide variety of scientific definitions as far as “syncretism” is concerned. These make it possible to demonstrate its function on each level of text analysis. The author formulates the concept of syncretism as a dominant feature of introductory part of any literary work.

Панайот Карагъзов

СЛАВЯНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАРТИЦЕНТРИЗМ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Стаття присвячена проблемі впливу партійної ідеології на літературу ХХ століття. Автор висвітлює історію появи “партицентризму” в слов’янській літературі та розглядає значення цього терміна.

Термин *партицентризм* являється неологізмом, созданным по подобию ранее утвержденных терминов: *теоцентризм*, антропоцентризм и *этноцентризм*. Его цель – выявить центральное место партии в общественной и литературной жизни в период коммунистического тоталитаризма. Полный объем термина включает процессы литературного отражения возникновения, существования политических партий до их ликвидации и установления однопартийной (или псевдомногопартийной) системы в отдельных государствах.

Связь партицентризма с прошлым сама по себе была не только терминологической, но и причинно-следственной. Идеологические и тематические доминанты развития славян очертили эпохи языческого политеизма, средневекового теоцентризма, возрожденческого этноцентризма, модернистического индивидуализма и коммунистического партицентризма. Вопреки факту, что славяне-католики, кроме этих периодов, в форме Гуманизма и/или Реформации пережили также и ренессансный антропоцентризм, преобладающая часть славянской истории прошла под влиянием коллективизма.

Славянский партицентризм явился прямым следствием коллективизма и прежде всего этноцентризма, но, хотя и парадоксально на первый взгляд, – зародился он к началу появления модернистического индивидуализма. Слабость и неуверенность отдельного славянина в конце XIX века способствовали преобразованию возникшего на вероисповедной, языковой и фольклорной основах возрожденческого этноцентризма в классово-партийного коллективизма. С течением времени сильная зависимость славянского индивидуума от коллектива облегчила внедрение коммунистической идеологии, установление тоталитарного управления и насаждение культа личности.

В XIX веке в евроазиатском геополитическом пространстве преобладал абсолютизм, и славянское возрождение явилось элементом борьбы за его трансформирование в конституционные монархии. Средством этой перемены стали политические партии. Особенность ранних славянских возрожденческих партий состояла в том, что в отличие от большинства подобных партий в других европейских странах, они должны были бороться одновременно и за конституционную монархию и/или республику и за национальное освобождение. Появление подлинных рабочих и крестьянских партий у славян определило трансформацию коллективизма из этнического в классово-партийный.

Партийный плюрализм занимал существенное место в общественной жизни славян на протяжении 200 лет – от абсолютизма до тоталитаризма. В историческом плане славянский партийный коллективизм прошел несколько этапов: ренессансно-аристократический (в Польше, Чехии и Хорватии), нелегальный, двухпартийный (обычно состоящий из либералов и консерваторов), многопартийный (оформление многопартийности с наличием идейного плюрализма) и классово-партийный монополизм.

Классово-партийный коллективизм выступал в двух разновидностях: интернациональный (наднародный и надрелигиозный) и внутринародный. Первой попыткой формулирования наднародного и надрелигиозно-конфессионального классового коллективизма была программа Общеавстрийской социалистической партии (1874), членами которой были и славяне из Австро-Венгерской империи. Дальнейшие попытки осуществлялись различными формациями Интернационала и всякими институтами Советского Союза. Внутринародный коллективизм тоже нашел проявление в двух формах: в виде хорошо знакомой диктатуры пролетариата и в виде не очень известных попыток установления сословного крестьянского политико-экономического монополизма.

Подобно замене политеизма христианским монотеизмом, ускоренный переход от этноцентризма к другим формам общественного сознания у славян в начале XX века был стимулирован внешними факторами. Поэтический ультиматум Владимира Маяковского „Не тратьте слова на братство славян «...» Братство рабочих и никаких прочих!” заранее известил о запланированной замене идеологической парадигмы – от славизма, панславизма и панруссизма к классово-партийному коллективизму и пролетарскому интернационализму. Бессилие отдельного индивидуума являлось предпосылкой для проявления сильного интереса славян к созданию политических партий и вхождению в их ряды. Если в IV веке святитель Афанасий Великий (†373), констатируя, что „Бог стал человеком, чтобы человек мог стать Богом”, лаконично выразил атрактивность христианского теоцентризма, то в апогее модернистического индивидуализма В. Маяковский поэтически обосновал „спасательную сущность” коммунистического партицентризма по отношению к „маленькому человеку” следующим образом: “Хочу / сиять заставить заново / величественнейшие слово / „партия”; “Единица! / Кому она нужна?”; “Плохо человеку, / когда он один” ; “А если / в партию / сгрудились малые, – / сдайся враг, / замри и ляг!”; “Партия рука миллионнопалая, / сжатая / в один / громящий кулак. / Единица – вздор, / единица – ноль.”; “Партия – бессмертие нашего дела. / Партия – единственное, что мне не изменит”.

Раньше всех славян государственную независимость приобрели сербы и болгары, благодаря чему политическая жизнь в их странах в конце XIX века развилась весьма динамично. Серб Бранислав Нушич, а также болгары Алеко Константинов и Стефан Л. Костов первыми интерпретировали художественно-литературными приемами очередную трансформацию славянского коллективизма и разлагающее воздействие зарождающегося партийного карьеризма. Драмы «Народный депутат» (1883), «Протекция» (1889), «Госпожа министерша» (1929), «Нушича и Големанов» (1928) Ст. Л. Костова раскрыли, как созданные только что партии сумели обвалить прочную крепость балканской патриархальности. Партии с легкостью перешагивали неприступные фамильные двери, превращались в невидимого члена семьи и приносили диссонанс в родовую иерархию и спаянность. В комедии «Народный депутат» (где два конкурента в предвыборной борьбе живут под одной крышей) партийная принадлежность оказалась важнее будущих родственных и кровных уз. Граница раздела в славянском социуме в конце XIX века уже не являлась столь этнической, вероисповедальной или сословной, сколь политической, часто проходившей сквозь основную клетку общества – семью.

В своей книге «Бай Ганьо» (1895) Алеко Константинов умело показал, как в эпоху модернизма индивидуализм стал функцией партийности. В отличие от типичных возрожденческих персонажей, которые, принимая участие в тайных революционных комитетах, нелегальных партиях, восстаниях и т.д., рисковали своей жизнью или вообще жертвовали ею за общую свободу, здесь его герои – партийцы разных мастей периода после освобождения от турецкого ига, обогащались за счет коллектива. Бай Ганьо явился не только первым ярким (хотя и отрицательным) антропоцентристским образом в болгарской литературе, который ставил личные интересы выше коллективных, но и прототипом бессовестного политикана, часто меняющего свою партийную принадлежность и успевающего посредством механизмов демократии властвовать над обществом.

К концу XIX века и началу XX века процессы учреждения и распада партий среди славян приобрели нездоровые размеры. В 1911 г. чешский писатель-сатирик Ярослав Гашек реагировал против чрезмерной партизации общественной жизни в Чехии, создавая пародийную „партию умеренного прогресса в рамках закона” и мистифицируя ее историю. Комичное „партийное строительство” и ложно понятая эмансипация дали повод Б. Нушичу высмеять „феминизирование” партийности в своей комедии СЮЕЖ (Содружество югославских эмансипированных женщин).

Отчетливыми партоцентристскими тенденциями в период между двумя мировыми войнами стали изображения повсеместной идеологизации общественной жизни и изобличения европейского тоталитаризма разных типов. Писатель из Польши Юлиуш Каден-Бандровски в своем произведении «Генерал Барч» (1922), где визировалась личность Юзефа Пилсудского, представил партийный централизм в качестве предпосылки формирования диктатуры и культа личности. В романе «Канун весны» (1924/5) польского классика Стефана Жеромского одновременно изображены и буржуазный партийный режим и социалистическая (будущая коммунистическая) партия. Жеромски создал

литературный первообраз „классического” коммунистического партийного собрания, характеризующегося секретностью, демагогией и централизмом.

Основные идеологические доктрины подверг критике в своих произведениях и мировой чех – Карел Чапек: «Из жизни насекомых» (1921), «Белая болезнь» (1937), «Мать» (1938), «Почему я не коммунист?» (1924). В период между двумя мировыми войнами хорват Мирослав Крлежа прошел путь от опосредствованного восхваления революции и ее вождя: «Христофор Колумб» (1918) до сатирического изображения ясно оформленных тоталитарных режимов накануне Второй мировой войны: «На грани рассудка» (1938) и «Банкет в Блитве» (1939). Его герой полковник Барутански явился обобщенным образом выдвинувшихся на гребне партийности диктаторов. Крлежа закончил свой партоцентристский цикл романом-эпопеей «Знамена» (1969).

Промежуточное положение между критикой буржуазного партийного карьеризма и восхвалением коммунистической партии занимали поэтические и полемические произведения, воспевающие класс, партию и лидеров земледельцев. Политической апологией потенциального аграрного тоталитаризма стала книга болгарского земледельческого деятеля Александра Стамболийского «Политические партии или сословные организации?» (1909), восхвалению земледельческих лидеров посвятили свои работы участники антологии «Земледельческие поэты» (1947), а их критика явилась главной темой романа Юлиуша Каден-Бандровского «Матеуш Бигда» (1935).

Настоящий коммунистический партицентризм возник, однако, в стране, которая позже всех развила и раньше всех ликвидировала партийную систему. Литературный партицентризм „воздвигся” на гребне революционных волн в России в самом начале XX века еще до официального созыва российской Думы. В своей поэме в прозе «Песня о буреветнике» (1901) русский писатель Максим Горький обрисовал отношение зарождающихся партий к надвигающейся революции. Теоретические основы коммунистического партицентризма заложил Владимир Ленин своей статьей «Партийная организация и партийная литература» (1905), стимулировавшей появление партицентристских произведений Горького, Маяковского и их эпигонов. Пьеса «Враги» (1906) и роман «Мать» (1906) Горького, в „которых впервые была показана борьба пролетариата под руководством партии”, и поэма Маяковского «В. И. Ленин» (1924), посвященная Российской коммунистической партии, стали первообразами коммунистического литературного партицентризма. После победы Октябрьской революции, во время которой большевицкая партия пришла к власти, не выиграв ни одних выборов, пролетарский партицентризм превратился в государственную идеологию. С тех пор компартия заняла центральное место в официальной, диссидентской и эмигрантской русской и советской литературе, а после Второй мировой войны – и в словесности остальных социалистических стран.

В культовой с точки зрения партицентризма поэме «В. И. Ленин» Маяковский представил два полюса партийной сущности: коллективную анонимность масс (снова вышечитированный куплет): „Партия/ рука миллионнопалая/ сжатая/ в один громающий/ кулак./ Единица – вздор, единица – ноль ...” [1, с. 483], с одной стороны, а с другой – отождествление партии с ее вождем: “Партия и Ленин – /

близнецы братья, «...» Мы говорим – Ленин,/ подразумеваем – партия,/ мы говорим – партия,/ подразумеваем – / Ленин” [1, с. 484].

В стихотворной апологии «К партии» (1929) болгарский поэт Христо Радевски сформулировал догму о партийной непогрешимости („Я знаю, я верю, что ты [партия] права, даже когда согрешишь”). Эта догма стала партийной индульгенцией, означающей, что если отдельные члены партии или даже все партийцы грешат, она никакой вины не имеет за собой.

Следуя за аллегорическим партийным анимализмом М. Горького (из поэмы «Песня о Буревестнике»), коммунистические идеологи внушали, что партия является живым, состоящим из крови и плоти организмом и присваивали своей организации зооморфические черты. Впрочем, в то время как партия начинала походить на феникса, ее члены становились подобными хамелеонам, меняющим свой цвет из-за страха перед нею самой.

С юридической точки зрения коммунистический партицентризм наступил с ликвидацией политического плюрализма, установлением идеологического монополизма и слиянием партии с государством. Включение (посредством различных формулировок) в конституции социалистических стран постулата о „руководящей роли партии в государстве” легитимировало существующие партийно-государственные олигархии. Партия (обозначенная прописной буквой и с определенным артиклем – в языках, где он существует) начала распоряжаться судьбами не только ее членов, но и всех граждан страны.

Социалистический реализм, который получил „общественное признание” и набрал скорость после Первого съезда советских писателей (1934), не полностью тождествен партицентризму, а представляет собой лишь его часть. Коммунистический партицентризм является временным отрезком, доминированным определенной идеологией, тематическими кругами и объектами изображения, а соцреализм представляет собой один из множества методов его художественной интерпретации.

Партицентризм – это не славянский „патент”. Накануне и во время Второй мировой войны он проявился в Испании, Германии, Италии и других европейских странах. Установление коммунистических диктатур в Албании, Румынии, Венгрии, ГДР, Китае, Северной Корее, Монголии, Северном Вьетнаме, на Кубе и в Никарагуа превратило коммунистический партицентризм из первоначально славянского в мировой феномен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маяковский В. Стихотворения. Поэмы. Пьесы. – М.: Худ. лит., 1969.

SUMMARY

The article deals with the problem of influence of Party ideology on the literature of the XX-th century. The author considers history of emergence of “partycentrism” in Slavonic literature and defines the meaning of this term.